

Лозинский Самуил Горациевич

История инквизиции в Испании

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С17

С17 **Самуил Горациевич Л.**
История инквизиции в Испании / Лозинский Самуил Горациевич – М.: Книга по Требова-
нию, 2026. – 590 с.

ISBN 978-5-519-93776-4

ISBN 978-5-519-93776-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

абсолютизма: отъ ея животворящаго дуновенія рухнулъ колоссъ Инквизиціи. Тщетны были въ сумеречные дни двухъ реставрацій попытки оживить это мертвое тѣло: *quand on est mort, c'est — pour toujours...*

Настоящимъ — третьимъ — томомъ „Исторіи Инквизиціи въ Испаніи“ заканчивается „Исторія Инквизиціи“, первые два тома которой, написанные Ли, были посвящены Среднимъ вѣкамъ. Нынѣшній томъ обнимаетъ періодъ въ 350 лѣтъ, съ 1480 г. по 1830 г., и характеризуетъ, такимъ образомъ, дѣятельность Инквизиціи въ Новое время.

Помимо Испаніи, нигдѣ въ Европѣ Инквизиція въ Новое время не приняла отличной отъ средневѣковой Инквизиціи формы; нигдѣ, за исключеніемъ Испаніи, она не вылилась въ независимое и самостоятельное учрежденіе, просуществовавшее вплоть до второй четверти XIX вѣка, и ни въ какой другой странѣ не проявила такой энергичной и многосторонней дѣятельности, какъ въ Испаніи. Этимъ и объясняется, почему въ „Исторіи Инквизиціи“ отводится особое, исключительное вниманіе Испаніи, и почему понятіе о Новой Инквизиціи цѣликомъ сливается съ дѣятельностью Инквизиціи въ теченіе послѣднихъ четырехъ столѣтій въ Испаніи, — въ Испаніи, далеко простирающейся за предѣлы Пиренейскаго полуострова.

Нынѣшняя территорія испанской монархіи является укороченной, усѣченной формой бывшей со временъ Фердинанда Католика великой Испаніи, въ предѣлахъ которой, по горделивому выраженію одного изъ ея монарховъ, солнце никогда не заходитъ. Въ мучительно долгомъ процессѣ отсѣченія отдѣльныхъ членовъ испанскаго организма немаловажную роль играла Инквизиція, сумѣвшая внушить испанскимъ государямъ мысль, что „лучше вовсе не имѣть подданныхъ, чѣмъ имѣть еретиковъ“. И когда защитники Инквизиціи указываютъ, что взамѣнъ этого она избавила Испанію отъ ужасныхъ религіозныхъ войнъ XVI и XVII вв., свирѣпствовавшихъ въ Германіи и Франціи, то одно сопоставленіе „несчастныхъ“ Германіи и Франціи съ „счастливой“ Испаніей лишаетъ этотъ аргументъ всего его значенія...

Въ предисловіи къ первому тому „Исторіи Инквизиціи“ было обѣщано посвятить Испанской Инквизиціи одинъ лишь томъ. Это обѣщаніе связывало насъ и подчасъ заставляло, съ болью въ сердцѣ, сокращать отдѣльныя части работы. Съ другой стороны, это обѣщаніе побудило насъ отказаться отъ мысли перевести на русскій языкъ какое-либо иностранное изслѣдованіе по исторіи Инквизиціи въ Испаніи. Изъ просмотрѣнной

массы книгъ, посвященныхъ Инквизиціи, наиболѣе подходящей для перевода на русскій языкъ является „A History of the Inquisition of Spain“ Ли. Но четыре объемистыхъ тома этого труда не поддаются сокращенію: Ли принадлежитъ къ тѣмъ писателямъ, которыхъ съ удовольствіемъ цѣликомъ проглатываешь, но изъ которыхъ нельзя дѣлать отдѣльныхъ экстрактовъ. Подъ вліяніемъ отчасти этого убѣжденія приступлено было къ настоящей оригинальной работѣ

Въ Испаніи, при видѣ груды огромнаго непечатаго архивнаго матеріала, меня пугалъ однотомный размѣръ предпринятаго труда, и я носился съ мыслью отказаться отъ взятой на себя задачи, но разъ данное обѣщаніе не позволяло мнѣ этого дѣлать. И теперь меня немало устрашаютъ несовершенства „Исторіи Инквизиціи въ Испаніи“, тѣмъ не менѣе, я передаю ее на судъ русской читающей публики, надѣясь, что она извлечетъ изъ нея не меньше того, что могла бы дать ей сокращенная, однотомная передача иностраннаго изслѣдованія по исторіи Испанской Инквизиціи.

С. Л.

С.-Петербургъ. 6 января 1914 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Эпоха Реконксты.

Обычное представленіе о томъ, что обратное завоеваніе Пирпейскаго полуострова испанцами—такъ называемая Реконкста—сопровождалось, какъ всякая сличенная, религиозная война, страшнымъ проявленіемъ фанатизма, въ пасторическое время должно быть совершенно оставлено. Правда, какъ со стороны мавровъ, такъ и со стороны христіанъ, было обнаружено немало жестокостей по отношенію къ покореннымъ. Нерѣдко все взрослое мужское населеніе какой-либо мѣстности поголовно предавалось смерти, а женщины и дѣти отдавались въ рабство; часто также побѣдитель огнемъ и мечомъ уничтожалъ цѣлыя селенія и города, внушавшіе ему по той или иной причинѣ какое-либо подозрѣніе, и врагъ не зпалъ чувства жалости ни къ старикамъ, ни къ женщинамъ, ни къ дѣтямъ. Но не этими жестокими приѣмами, свойственнымъ, впрочемъ, не одной лишь свирѣпой войнѣ, характеризуется Реконкста. Для правильной оцѣнки послѣдней важны не отдѣльные проявленія грубаго фанатизма къ долго и энергично защищавшемуся городу, не спорадическія вспышки гнѣва того или иного короля, не разрозненные, а потому и неслѣдовательныя, дѣйствія нѣкоторыхъ полусамостоятельныхъ полководцевъ-феодаловъ, а общее направленіе всей завоевательной политики испанскихъ королей, тѣ принципы и начала, которыми они руководились при выработкѣ опредѣленнаго status quo для покоренныхъ мѣстностей. Въ этомъ отношеніи Реконкста отличалась большой вѣротерпимостью, и побѣдоносное шествіе христіанскаго испанскаго оружія съ сѣвера на югъ, изъ Астурій въ Гранаду, нерѣдко носило съ собою покореннымъ маврамъ личную неприкосновенность, имущественную безопасность и религиозную свободу.

Въ раннемъ Средневѣковѣ не замѣчалось особой религиозной вражды между воюющими сторонами, между маврами и христіанами. Испанскія баллады IX и X вѣковъ рисуютъ арабовъ, какъ достойныхъ враговъ, съ которыми воевать не должно быть стыдно ни одному испанскому гранду; даже побѣжденные мавры не вызываютъ къ себѣ чувства презрѣнія, и народная поэзія въ трогательныхъ выраженіяхъ оплакиваетъ мужественную смерть мавровъ, нерѣдко лилавшихся любимыми героями христіанскихъ балладъ. Сынъ сестры короля Альфонса, легендарный Бернардо дель Карпіо, обиженный Альфонсомъ, не останавливается предъ тѣмъ, чтобы отправиться въ мусульманскую Гранаду, вести затѣмъ войну съ арабами противъ франковъ, побѣжденных имъ при Ронсевалѣ, и принять участіе въ устраиваемыхъ маврами турнирахъ,—

Donde el premio será dado
Al que mejor lo ficiere,
Sea Moro ó sea Cristiano,—

гдѣ призъ будетъ данъ тому, кто больше другихъ отличится, будь онъ мавръ или христіанинъ.

Самъ Альфонсъ, прозванный за свою религиозность Католикомъ, вступилъ въ бракъ съ плѣнной мусульманкой; отъ этого брака у него родился сынъ Маурегато, который царствовалъ съ 788 г. по 789 г.; объ этомъ-то сынѣ Альфонсецъ говоритъ, какъ о «de segva

natus». Альфонсъ I сѣдновалъ, въ данномъ случаѣ, примѣру эмира Абделаяса, который въ 712 г. женился на Эгилонѣ, вдовствующей королеви послѣдняго вестготскаго короля Родериха, погибшаго въ 711 г. въ битвѣ съ арабами близъ Бахиса ¹⁾. При наиболѣе могущественныхъ государяхъ, говоритъ Боронья-и-Баррачина, нерѣдко мусульманскихъ солдатъ вели въ бой христіанскіе военачальники; христіане часто составляли лейбъ-гвардію мусульманскихъ эмировъ и занимали въ мусульманскомъ государствѣ очень отвѣтственные и высокіе посты ²⁾.

Гораздо болѣе важны и характерны тѣ общественныя отношенія, которыя устанавливались между побѣдителями-христіанами и побѣжденными маврами на основаніи специальныхъ договоровъ, *tratos*. Однимъ изъ первыхъ такихъ договоровъ была капитуляціонная грамота Сены отъ 1038 г. Въ ней христіанскій король отказывается отъ взгляда на побѣжденныхъ мусульманъ какъ на людей, подлежащихъ немедленному истребленію или обращенію въ рабство, и провозглашаетъ совершенно новую точку зрѣнія на отношеніе къ покореннымъ мусульманамъ: послѣдніе становятся обычными подданными короля, обязанными платить въ королевскую казну опредѣленную подать, при чемъ введенная христіанскими побѣдителями податная система отнюдь не нарушала старыхъ внутреннихъ отношеній, существовавшихъ въ мусульманскомъ обществѣ до покоренія его христіанами. Мусульманскіе военачальники, князья или капитаны, побѣжденные христіанскимъ оружіемъ, по словамъ Амадора-де-лосъ-Ріоса, изъявляли испанскимъ королямъ вассальную покорность и давали слово, что будутъ сохранять вѣрность, получая взаменъ отъ королей обѣщаніе, что имъ будутъ гарантированы ихъ религіозныя и политическія права. Другіе жители покоренныхъ мусульманскихъ городовъ, чувствуя себя въ безопасности подъ защитой болѣе или менѣе благотѣльныхъ капитуляціонныхъ грамотъ, спокойно жили на завоеванныхъ у арабовъ христіанами земляхъ, среди христіанскаго населенія, предаваясь своимъ обычнымъ полезнымъ занятіямъ, довольные тѣмъ, что могутъ свободно исповѣдывать свою религію и исполнять свои мусульманскіе законы. Вассальная зависимость отъ христіанскихъ королей первой категоріи арабовъ имѣла различныя степени, смотря по тому, при какихъ условіяхъ ими была изъявлена покорность. По отношенію къ однимъ арабскимъ королевамъ или капитанамъ христіанскіе побѣдители ограничивались лишь требованіемъ ежегодной уплаты опредѣленной суммы въ пользу короля и запрещеніемъ арабамъ вести противъ него войну или помогать воюющему съ нимъ врагу; другіе дѣлались королевскими вассалами въ полномъ смыслѣ этого слова, хотя и за ними признавалось право ношенія оружія, и въ ихъ распоряженіи оставались крѣпости и укрѣпленія, изъ которыхъ они иногда удалялись христіанами-побѣдителями во время войны. Но это право предоставлялось имъ только подъ условіемъ вассальнаго подчиненія христіанскому королю ³⁾. Капитуляціонная грамота 1038 г. была образцомъ для многихъ другихъ.

Въ 1085 г. Альфонсъ XI, при взятіи Толедо, далъ покоренному городу особую хартію, въ которой имѣлись гарантіи относительно владѣнія собственностью, отправленія богослуженія и внутренняго самоуправленія; особо упоминалось о предоставленіи мусульманамъ въ пользованіе самой большой мечети города. Когда, послѣ ухода короля изъ Толедо, французскій аббатъ Бернаръ, опиравшись на помощь бургундской королевы, вздумалъ преобразовать толедскую мечеть въ церковь, Альфонсъ послѣдшилъ обратно въ Толедо и сталъ угрожать смертью какъ аббату, такъ и королеви. Сами мавры удерживали его отъ

¹⁾ Janer, «Condicion social de los Moriscos de España», Мадридъ, 1857, стр. 6.

²⁾ «Los Moriscos españoles y su expulsión», Valencia, 1901, t. I, стр. 16.

³⁾ Amador de los Rios, «Estudios historicos sobre los mozárabes, mudéjares y moriscos»; Janer, op. cit.; Fernandez y Gonzalez, «Estado social y politico de los mudéjares de Castilla», Мадр., 1866. Здѣсь приведено много примѣровъ толерантнаго отношенія испанскихъ королей къ покореннымъ арабамъ.

чрезвычайных репрессий христиан, виновных в нарушении королевской хартии; мавры боялись, как бы месть Альфонса не вызвала раздражения среди христианского населения, которое потом могло бы отомстить за причиненные ему обиды мусульманам Толедо. Альфонс XI называл себя даже императором обоих религий—*Emperador de los dos cultos*. Когда Рамон Беренгер Барселонский покорил в 1149 г. Лериду, он заключил с ея алкаидом Абифелетом договор, конем обеспечивалась религиозная свобода как христианского, так и мусульманского населения; Абифелет выдал Беренгеру ряд крепостей и получил, вместо них, несколько земельных участков в Барселонь и Геронь. Яков I (1213—1276), который впервые ввел в Испанию средневековую Инквизицию и всецело посвятил себя делу Реконкисты, как об этом свидетельствует его прозвище *el Conquistador*, держался, тем не менее, по отношению к покоренным маврам умеренной политики, в особенности в религиозных вопросах. «Он уважал религию побжденных, их законы и обычаи; подтверждал их вольности и льготы и предоставлял многим из них значительные привилегии»¹⁾. В капитуляционном акте Валенсии от 28 сентября 1238 г. с особенной силой подчеркнуто было, что сдача города происходит при условии личной и имущественной безопасности мусульман: «*praeterea volumus et concedimus quod omnes illi mauri, qui remanere voluerint in termino Valentiae, remaneant in postra fide salvi et securi etc.*». Многочисленные хартии того времени единодушно свидетельствуют, что победоносные испанские короли не делали большой разницы между покоренными мусульманами и побужденными христианами. Признавшие над собою власть христианского короля мавры становились его подданными под названием *mudejares* (мудехары), пользуясь теми же правами, какими при покорении Испании арабами пользовались христиане, подчинявшиеся мусульманскому игу и получавшие название *mozárabes* (мосарабы).

Даже Фердинанд и Изабелла Католики, при взятии города Гранады, предоставили маврам большие льготы, и когда католическое духовенство, желая использовать великую победу христианского оружия, потребовало обложения покоренного населения специально церковной податью, царственная чета обратилась с жалобой к папе Сиксту IV, указывая, главным образом, на то, что при капитуляции Гранады покоренным жителям было обещано, что в коем случае не увеличивать их налогов, которые они платили при господстве в Гранаде мавров. Фердинанд и Изабелла в своих представлениях Сиксту ссылались на данные их предшественниками хартии различным городам, а папа, действительно, пошел на встречу желанию монархов и запретил духовенству взимать с жителей побужденного города церковную дему. Когда 7 декабря 1492 г. испанцы овладели Пурченой и всей долиной Алмандоры, они заявили, что берут под покровительство короли всех жителей этой страны, не исключая и арабских богослужителей (*alfaqui*, факир); король разрешил всем, кто пожелает, свободный отъезд в Африку, обещал назначать судьями мавров для рассмотрения споров между христианами и мусульманами, выдал покорившимся жителям 12 тыс. реалей в вид выкупа за 120 пленных испанцев, обязался не обращать в христианскую веру ренегатов-христиан, не обременять никого новыми налогами, позволять мусульманам жить согласно своим законам и веру и судиться по *липпа* (мавританский кодекс); кроме того, король торжественно заявил, что мусульманские жилища будут пользоваться неприкосновенностью и будут свободны от постоя, что побужденные будут иметь право владеть оружием и лошадьми, не будут принуждаться к ношению отличительных знаков на

¹⁾ Charles de Tourtoulon, «Jaime I-er le Conquérant, roi d'Aragon», Монпелье, 1863, т. I, 305—306; есть испанский перевод, Валенсия, 1874 г. Подобные факты в значительном количестве приводит и граф Circourt, «Histoire des mores, mudejares et des morisques», Париж, 1846, т. I, 37.

одеждѣ, и что корона никогда не станетъ отчуждать этой страны ¹⁾). Капитуляціонная хартія, выданная Алмеріи 11 февраля 1490 г. и послужившая образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ хартій, была проникнута еще болѣе либеральнымъ духомъ. Мухехарамъ было обѣщано освобожденіе отъ тѣхъ налоговъ, которые были несправедливо наложены на нихъ мусульманскими королями; дѣти отъ христіанскихъ матерей должны были въ 12 лѣтъ свободно выбирать религію, при чемъ имъ не грозила опасность въ случаѣ предпочтенія не-христіанскаго вѣроисповѣданія; крещеные или евреи не могли быть мусульманскими судьями, они не имѣли также доступа въ алѣамы (общины) и т. д.

Не разъ также арабы и христіане заключали между собою союзы для борьбы съ тѣмъ или инымъ врагомъ, при чемъ нерѣдко арабы воевали противъ арабовъ, а христіане противъ христіанъ. Такъ, мелкіе арабскіе предводители и князья, недовольные правленіемъ Абдеррахмана II (822—852), обратились за помощью къ астурийскимъ христіанамъ и заключили союзъ съ королемъ Ордоњо I (850—866); среди наѣздившихъ дѣлу мусульманства князьковъ былъ и правитель Толедо. Точно также въ концѣ IX вѣка Бермудо, братъ Альфонса III, въ теченіе 7 лѣтъ осаждалъ съ помощью арабовъ Асторгу. Санчо I Полный, лишенный заговорщиками престола, обратился за помощью къ Абдеррахману III въ Кордову; послѣдній пошелъ вмѣстѣ съ Санчо противъ узурпатора Ордоњо IV, нанеся ему сильное пораженіе; подъ защитой арабскаго оружія Санчо I былъ провозглашенъ королемъ Леона. Альфонсъ VI Кастильскій, преслѣдуемый своимъ братомъ Санчо II, скрывался у толедскаго мусульманскаго владѣтельнаго князя. Въ Толедо онъ научился арабскому языку, окружилъ себя арабскими поэтами и мудрецами и даже женился на дочери севильскаго короля Аль-Мотамиды; еще раньше Бермудо II выдалъ свою сестру за толедскаго мусульманскаго короля. Точно также его современникъ, арагонскій король Санчо I, зналъ хорошо арабскую литературу и подписывалъ свое имя арабскими буквами. Когда Альфонсъ X потерялъ свою популярность вслѣдствіе того, что далъ Португаліи возможность освободиться отъ вассальныхъ отношеній къ Леону, его братъ Филиппъ и нѣкоторые могущественные гранды задумали свергнуть его съ престола и обратились за помощью къ марокканскому султану Абу-Юсуфу. Кастильское духовенство, недовольное нѣкоторыми прерогативами королевской власти, поддерживало мысль Филиппа объ обращеніи къ Абу-Юсуфу, надѣясь ловить рыбу въ мутной водѣ ²⁾). Отказавшись отъ повиновенія Альфонсу X, Филиппъ и его единомышленники бѣжали въ мусульманскую Гранаду, производя по пути страшныя опустошенія въ христіанскихъ владѣніяхъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ Альфонсъ X, съ своей стороны, просилъ помощи у Абу-Юсуфа противъ своего сына Санчо IV, и марокканскій султанъ прислалъ ему значительное число пѣшихъ и конныхъ войскъ, а также 60 тыс. доблестъ; это побудило Санчо IV обратиться за поддержкой къ Гранадѣ, и возникла война, въ которой мавры принимали участіе въ обоихъ лагеряхъ. Смерть Альфонса X въ 1284 г. положила конецъ этой кровавой войнѣ, вызванной соперничествомъ между отцомъ и сыномъ, одинаково преданными католицизму, и рѣшавшейся силою магометанскаго оружія. Педро Жестокій въ своей борьбѣ противъ Генриха Трастамары обращался въ 1366 г. и въ 1368 г. за помощью къ гранадскому королю, который прислалъ ему 87-тысячное войско; въ рѣшительномъ сраженіи при Монтеаѣ у Педро было 1500 доставленныхъ маврами лошадей; однимъ изъ пунктовъ жалобы на Генриха IV въ 1464 г. было его частое обращеніе за помощью къ мусульманамъ, что въ глазахъ вѣрныхъ христіанъ было оскорбленіемъ религіи. Въ 1405 г. между Мартиномъ Арагонскимъ и его сыномъ Мартиномъ Сицилійскимъ, съ одной стороны, и гранадскимъ королемъ Магометомъ, съ другой, былъ заключенъ союзъ, въ силу котораго договаривавшіяся стороны обязались оказывать другъ другу военную помощь

¹⁾ Fernandez y Gonzalez, «Estado social y político de los mudéjares de Castilla», стр. 416.

²⁾ Lea, «History of the Inquisition of Spain», t. I, 54.

противъ всякаго внѣшняго врага, при чемъ въ договорѣ подтверждалось, что подданные обѣихъ сторонъ пользуются личной безопасностью во время пребыванія въ союзническихъ земляхъ, и что торговые отношенія между ними происходятъ совершенно безпрепятственно. Аль-Мемонъ-Або-д-Ола, домогаясь престола, заключилъ договоръ съ Фердинандомъ Святѣмъ, предоставившимъ ему въ распоряженіе 12 тыс. христіанскихъ солдатъ, за что мусульманскій владыка разрѣшилъ построить церковь въ Марокко, совершать въ ней публичное богослуженіе при звонѣ колоколовъ и свободно переходить изъ одной религіи въ другую. Этимъ путемъ возникло марокканское епископство, во главѣ котораго первымъ епископомъ былъ назначенъ францисканецъ Агело. Основатель послѣдней гранадской династіи Абенъ-аль-Ахмаръ былъ добровольнымъ вассаломъ Фердинанда Свѣтлаго, платилъ ему ежегодную контрибуцію въ размѣрѣ 150 тыс. добласъ, при каждомъ военномъ походѣ доставлялъ ему опредѣленное число солдатъ и, подобно всякому гісономо (знатному), являлся, по первому зову короля, въ кортесы. Онъ оказалъ большую помощь Фердинанду при занятіи Севильи,—этимъ объясняется, почему онъ былъ въ числѣ участниковъ торжественнаго въѣзда короля въ покоренный городъ, возведенъ въ рыцарское званіе и награжденъ особымъ почетнымъ орденомъ.

Само собою разумѣется, что какъ дарованныя различнымъ покореннымъ городамъ хартии, столь проницательныя въротерпимымъ и либеральнымъ духомъ, такъ и военные и иные союзы и коалиціи, дававшія въ одномъ мѣстѣ возможность арабамъ держаться съ помощью христіанъ, а въ другомъ—христіанамъ съ помощью арабовъ, вызынались не чувствомъ взаимной симпатіи представителей различныхъ религій, а опредѣленнымъ матеріальнымъ расчетомъ, диктовавшимъ испанскимъ королямъ эпохи Реконкисты проводить въ жизнь ту самую политику, какую за нѣсколько вѣковъ до этого, при покореніи Испаніи, вели завоеватели-арабы. Подобно тому, какъ послѣдніе, значительно уступая по своей численности вестготамъ, успѣшно могли двигаться въ VIII столѣтіи съ юга на сѣверъ лишь благодаря своему удивительному умѣнію не заставлять покоренныхъ христіанъ чувствовать тяжесть новаго режима и своему искусному использованию существовавшего между вестготами антагонизма, точно такъ же осторожные испанскіе монархи могли успѣшно совершать дѣло обратнаго завоеванія Иберійскаго полуострова лишь путемъ различныхъ уступокъ покореннымъ мусульманамъ и съ помощью вмѣшательства во внутреннія отношенія соперничавшихъ между собою отдѣльныхъ арабскихъ князей и королей. Одинъ и тотъ же монархъ, перѣдко на протяжении всего какихъ-либо десяти лѣтъ, не разъ мѣнялъ свою политику по мѣрѣ того, какъ чувствовалъ себя болѣе или менѣе прочно окрѣпшимъ въ той или иной покоренной имъ землѣ. Наиболѣе рѣзко проявлялась эта памѣчивая политика въ дѣйствіяхъ Фердинанда Католика, который одной рукой давалъ обѣщанія, а другой жестоко и сурово подавлялъ имъ же недавно поддерживаемыя требованія и претензіи; онъ умѣлъ уступать для того, чтобы тѣмъ тверже въ извѣстный моментъ наступать. И это не было съ его стороны простымъ лицемеріемъ или хамелеонствомъ, какъ окрестили его царствование нѣкоторые историки; вѣтъ, это былъ расчетливый макіавеллизмъ, который, не считаясь ни съ какими обѣщаніями, присягами, клятвами и угрозами совѣсти, идетъ прямо къ разѣ памѣчивой цѣли, несмотря на многочисленныя препятствія. Частыя нарушенія царскаго слова, которыми такъ богаты анналы испанской исторіи, заставляютъ и современныхъ, строго католическихъ историковъ Испаніи выдвигать теорію о допущеніи необходимости несоблюденія національнаго и интернаціональнаго договора не только въ силу государственныхъ или религіозныхъ соображеній, но и, повидимому, самыхъ повседневныхъ причинъ (*por causas, al parecer, triviales*)¹⁾.

Какъ бы велико, однако, ни было участіе матеріальнаго расчета въ либеральныхъ капитуляціонныхъ грамотахъ испанскихъ королей, совмѣстныя выступленія мавровъ и

¹⁾ Boropat y Barrachina, «Los Moriscos españoles y su expulsión», Valencia, 1901, I, стр. 76—77.

христіанъ, сопровождавшіеся, разумѣется, и болѣе близкимъ знакомствомъ другъ съ другомъ, не могли не отразиться на взаимныхъ чувствахъ обоихъ народовъ и должны были выработать какъ въ томъ, такъ и въ другомъ народѣ болѣе справедливое и болѣе вѣротерпимое отношеніе къ чужому мнѣнію, къ чужому мировоззрѣнію, къ чужой жизни. Такимъ образомъ, если и не непосредственно, то отраженнымъ путемъ искусная политика Реконкисты способствовала сближенію представителей различныхъ религій, служа какъ бы мостомъ черезъ пропасть, отдѣлявшую въ Средніе вѣка одну народность отъ другой. Само собою разумѣется, что взаимное знакомство арабовъ и христіанъ ограничивалось очень немногимъ, а главное—точки соприкосновенія между широкими народными массами обѣихъ религій были крайне ничтожны, и по мосту, соединявшему оба народа, проходили лишь представители высшихъ классовъ, такъ что, говоря о вѣротерпимости испанцевъ, необходимо понимать ее съ извѣстными ограниченіями, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ широкимъ массамъ. Но, съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать, что въ Средніе вѣка широкіе слои народа вообще не знали ни злобы и ненависти, ни преданности и любви къ чужому народу. Грубой и невѣжественной, живущей впроголодь и изнемогающей отъ непосильной работы народной массѣ вообще чуждо чувство симпатіи и антипатіи къ представителямъ другой народности. Чтобы различать между своей и чужой народностью, необходимо умѣть поднять свой взоръ за предѣлы собственнаго государства и находиться на извѣстномъ уровнѣ умственной, духовной высоты. Этого условія не доставало въ Средніе вѣка широкимъ массамъ народа: ихъ согбенныя спины никогда не выпрямлялись, дремлющій умъ ихъ никогда не просыпался, и всѣ ихъ заботы и нужды вращались въ узкомъ кругѣ непосредственныхъ матеріальныхъ интересовъ, которые, приковывая все вниманіе ихъ къ себѣ, заковывали народъ въ крѣпкія, желѣзные цѣпи.

Среднѣвѣковой массѣ народа была чужда всякая «фобія»: это чувство явилось продуктомъ новѣйшаго времени, однимъ изъ атрибутовъ—безразлично необходимымъ или нѣтъ—національнаго самосознанія, возникающаго лишь на извѣстной ступени общаго развитія. Индифферентная во многихъ отношеніяхъ, эта масса являлась слѣпымъ и послушнымъ орудіемъ въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ, которыя искусно и пользовались ею въ своихъ политическихъ, религіозныхъ или экономическихъ интересахъ. Средніе вѣка знаютъ страшныя избіенія невинныхъ людей, ужасныя гоненія и преслѣдованія беззащитныхъ и ни въ чемъ неповинныхъ, совершенныя обезумѣвшей и озвѣрѣлой народной массой, но въ этихъ ужасахъ такъ же мало народной ненависти, какъ ее мало при истребленіи, наприм., портовыми рабочими чумныхъ крысъ. По наущенію своихъ учителей и руководителей народъ по временамъ безпощадно уничтожалъ своихъ мнимыхъ или дѣйствительныхъ враговъ, не чувствуя къ нимъ особой вражды, но вѣря, что они достойны той участи, какую они имъ изготовляли. Лишь въ тѣхъ случаяхъ можно говорить о ненависти и враждѣ въ народныхъ движеніяхъ въ Средніе вѣка, когда предметомъ нападеній служили непосредственные притѣснители народа, которыхъ онъ самъ въ состояніи былъ знать; въ прочихъ же случаяхъ народъ дѣйствовалъ лишь по указанію другихъ, оставаясь равнодушнымъ къ своимъ жертвамъ.

Испанская масса въ Средніе вѣка была такой же, какъ всякая иная масса, столь же мало достойной названія вѣротерпимой, какъ и противоположнаго названія; она была инертна и индифферентна, и не ее слѣдуетъ имѣть въ виду, когда говорить о вѣротерпимости испанцевъ въ эпоху Реконкисты, и не на нее имѣли вліяніе политическіе союзы арабовъ и христіанъ, взаимное ихъ знакомство и сближеніе. Политика того времени отражала чувства и интересы не широкихъ классовъ народа, а лишь высшаго привилегированнаго сословія, которое вмѣстѣ съ королемъ являлось вершителемъ судебъ государства. При слабости большинства испанскихъ королей воля дворянства имѣла даже больше значенія, нежели власть монарха, и дворянству слѣдуетъ приписывать добрую

часть того вѣротерпимаго духа, который такъ характеренъ для эпохи Реконкисты. И именно по отношенію къ дворянству можно говорить о вѣротерпимости испанскаго народа, хотя и въ данномъ случаѣ вѣротерпимость вызывалась не столько гуманными чувствами, сколько матеріальными интересами, какъ мы это увидимъ позднѣе, при введеніи Инквизиціи, съ которой дворянство на первыхъ порахъ боролось какъ съ учрежденіемъ, могущимъ похорватъ его благосостояніе, а также его старинныя вольности.

Трудно допустить, что въ основѣ либеральной политики того времени лежалъ лишь страхъ предъ тѣмъ, чтобы султанъ не принялъ, въ случаѣ репрессій со стороны испанскихъ королей, жестокихъ мѣръ по отношенію къ тѣмъ христіанамъ, которые еще продолжали находиться подъ мусульманскимъ игомъ. Правда, иногда мусульманскіе эмиры угрожали избіеніемъ христіанъ, если побѣдоносные короли вздумаютъ обращаться съ арабами, какъ съ военнопленными, и въ 1489 г., напр., султанъ обратился къ папѣ съ жалобой на царственную католическую чету, дѣйствовавшую, по его мнѣнію, черезчуръ круто съ побѣжденными жителями Гранады, и заявилъ, что и онъ будетъ вынужденъ измѣнить свое отношеніе къ находящимся въ его владѣніяхъ христіанамъ, если политика репрессій будетъ продолжаться попрежнему; Фердинандъ и Изабелла, въ отвѣтъ на это, поспѣшили успокоить султана и объявили, что мавры будутъ пользоваться во вновь завоеванныхъ земляхъ полной свободой—какъ религіозной, такъ и личной¹⁾. Если такимъ образомъ и можно въ нѣкоторыхъ случаяхъ объяснять политику Испаніи страхомъ предъ султанскими контръ-репрессіями, то по отношенію къ евреямъ, лишеннымъ возможности гдѣ бы то ни было отыграть на притѣсненія испанцевъ такими же притѣсненіями, такое объясненіе само собою отпадаетъ, и остается лишь то, которое мы приводили выше, а именно: политика Реконкисты не была проникнута духомъ религіознаго фанатизма, и испанскіе короли расчетливо и мудро пользовались услугами тѣхъ, кто только могъ быть имъ полезенъ, все равно—къ какой бы онъ ни принадлежалъ религіи или народности.

Положеніе евреевъ того времени въ Испаніи было несравненно лучше, нежели въ прочихъ европейскіхъ государствахъ, гдѣ имъ въ большинствѣ случаевъ съ конца XIII, а въ особенности на протяженіи XIV вѣка, нельзя было даже жить. Въ капитуляціонныхъ хартіяхъ, которыми обезпечивалась религіозная свобода мудехаровъ, иногда имѣлись особые статьи, говорившія и о религіозной свободѣ евреевъ; а если особаго упоминанія о нихъ и не было, то нерѣдко предполагалось, какъ вѣчто само собою понятное, что дарованная королями вѣротерпимость распространяется на всѣхъ его новыхъ подданныхъ безъ различія вѣроисповѣданій. Такъ, въ фуэро города Миранды на Эбро, дарованномъ королемъ Альфонсомъ VI въ 1009 г., говорится, что всѣ статьи фуэро относятся къ представителямъ какъ привилегированныхъ, такъ и непривилегированныхъ классовъ и сословій, а также всѣхъ религій, исповѣдуютъ ли послѣдніе евреи или мусульмане (*et omnes populatores qui modo sunt, aut de caetero, homines generosi aut pedonii, aut mauri aut judaei habeant istud forum*). Аналогичныя постановленія мы встрѣчаемъ въ рядѣ другихъ капитуляціонныхъ грамотъ. Въ 1134 г. Рамиро II не дѣлаетъ никакой разницы между евреями, маврами и христіанами города Каседы и устанавливаетъ одни и тѣ же права для всѣхъ жителей Туделы, Каркастильо и Белорадо, безъ различія религій, ссылаясь на то, что подобное равноправіе существуетъ уже въ Соріа и Дарокъ²⁾.

На евреевъ распространялись даже городскія вольности и привилегіи, завоеванныя испанскими городами, въ помощи которыхъ противъ арабовъ постоянно столь сильно нуждались христіанскіе короли. Въ *carta-puebla* города Кастрохериса, данной кастильскимъ

¹⁾ H. Ch. Lea, «The Moriscos of Spain», 17.

²⁾ Fernandez y Gonzalez, op. cit., стр. 117—120; Amador de los Rios, «Historia social politica y religiosa de los Judíos de España y Portugal», t. I, 196—197.